

ЛЮБИМ ПОЗДНЯК

ЗАХЛЕБНУЛАСЬ
ТУМАНОМ ОКРУГА...

К 70-летию Виктора Коротаяева

*Захлебнулась туманом округа.
Словно облачный вышел обвал.
Слабый голос
Ушедшего друга,
Как с большой глубины,
Выплывал.*

В. Коротаяев

В середине 80-х годов, живя в Омске, я приехал к красноярским друзьям в отпуск и попал на творческий вечер В. П. Астафьева. Виктор Петрович много говорил о своём вологодском периоде, рассказывал о Вологодчине, о её поэтах и писателях, но почему-то из всех выделил Виктора Коротаяева, как человека и поэта наиболее близкого ему по духу, и прочитал несколько его стихотворений. Первые строки одного из них навсегда запали мне в душу.

*Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твоё появление приветствуют птицы,
Сверкают, на солнце искрясь, небеса.
Пока, озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя,
Кукушка пророчит бессмертье тебе.*

В 1988 году Министерство культуры направляет меня на работу в Вологду в качестве директора драматического театра. Разворачивающаяся в стране “перестройка” принесла на сцены театров в небывалом количестве русскоязычную драматургию, так называемую “чернуху” – пьесы о ГУЛАГах, о сталинских репрессиях, об “интердевочках”, комедии типа “7-40”, начинающую всплывать пошлятину, “порнуху” и тому подобное. Не удержалась от соблазна и наша Вологодская драма, поставив “Детей Арбата” и “Звёзды на утреннем небе”. После короткого взрыва интереса к “запретной теме” зритель интуитивно почувствовал, что ему пытаются подсунуть грязную пустышку, и перестал посещать театры. Не только в Вологде, но в Москве и Ленинграде зрительные залы театров были на две трети пусты. Понадобилось более десяти лет, чтобы русскоязычная драматургия и режиссура воспитали своего не

очень притязательного зрителя и приучили его, мягко говоря, к не лучшим образцам театрального искусства. О разнице между русской и русскоязычной драматургией и режиссурой я писал и говорил, за что в определённых кругах меня называли антисемитом. Эта тема сегодня как никогда актуальна и заслуживает отдельной статьи.

*“Не принимайте близко к сердцу
Любое горе
И печаль...”
Что ж,
Поделиться
И неверцу
Расхожей мудростью
Не жаль.
Его религия,
Как мета
Над подвернувшейся строкой:
Сегодня — та,
А завтра — эта,
А можно —
вовсе никакой.*

Поняв, что Вологодский драматический театр допустил стратегическую репертуарную ошибку, мы начали искать альтернативу “чернухе” и решили взять репертуарный курс на мировую классику и современную драматургию в лице наших вологодских авторов. Если мировая классика всегда являлась репертуарным фундаментом любого театра, то работа с начинающими драматургами — путь для театра и авторов напряжённый и рискованный. На таком пути на каждую удачу может прийти несколько неудач, и главное, чтобы органы власти и зритель понимали, какую непростую миссию взял на себя театр. Я понимал, что для воспитания хотя бы трёх-четырёх драматургов необходимо время, процесс может затянуться на несколько лет, что театр обрекает себя на длительную и кропотливую работу с авторами. Мы получили поддержку в обкоме КПСС, в то время это было очень важно. Первый секретарь обкома В. А. Купцов одобрил наши действия начать активно работать с вологодской писательской организацией и порекомендовал позвонить В. И. Белову. Я начал с Василия Ивановича, потому что кроме него не знал ни одного вологодского писателя, кто бы занимался драматургией. Звоню и спрашиваю, нет ли у него чего-нибудь для постановки, если нет, может быть, напишет новую пьесу или сделает инсценировку по роману “Кануны”. Белов ответил, что в его планах нет работы над пьесой, а писать инсценировку по роману дело неблагодарное, и категорически отказался, а также запретил театру привлекать к этой работе других авторов. Но Василий Иванович, по всей видимости, рассказал о нашем разговоре писателям, потому что в ближайшее время у меня в кабинете появились с готовыми пьесами сначала С. Т. Алексеев, а потом и В. В. Коротаев. К сожалению, я тогда не знал, что у А. А. Грязева в портфеле уже есть две очень неплохие пьесы “Отечески пенаты” и “Одиноким предоставляется общежитие”, а сам он почему-то не пришёл ко мне.

Моё очное знакомство с Виктором Коротаевым было примечательным и запоминающимся. Тот день для меня был наполнен обилием мелких неприятностей, а моё настроение было чернее тучи. И вдруг телефонный звонок, думаю, — ну вот, ещё одна пакость. Снимаю трубку и слышу: “Это поэт Виктор Коротаев, у меня есть пьеса, может быть, поговорим?” Оживляюсь и отвечаю, что жду его. Не прошло и нескольких минут, как в кабинет врывается шквал искрометного юмора и нескончаемого оптимизма, звучат какие-то дежурные фразы, свежие анекдоты вперемешку с прибаутками и забавными четверостишиями. В его глазах светилось дружелюбие, но нет-нет да вспыхивали настороженные вопросы — свой или чужой? что за человек? можно ли иметь с тобой дело? Моё плохое настроение как ветром сдуло, мы общались удивительно легко, так, как будто мы знакомы много лет. Виктор сказал, что он хоть и поэт, но заканчивает пьесу “Женская логика”, она у него первая и, дай Бог, не последняя. Про себя я подумал, что название звучит интригующе — “Жен-

ская логика”, и сразу решил, какая бы пьеса ни была, театр её ставит. Мы договорились о встрече, а так как я совсем не знал его творчества, то попросил Виктора принести вместе с пьесой какой-нибудь сборник его стихов, наиболее характеризующий его самого и его поэзию.

Спустя несколько дней он пришёл серьёзный, настороженный и какой-то торжественный. Я понял, он, наверное, всегда такой, когда расстаётся с очередным своим детищем, передавая его в руки непредсказуемых редакторов и издателей. Вместе с пьесой он принёс свой сборник стихов “Вечный костер” с дарственной надписью. Я открыл книгу и буквально на первых страницах увидел знакомые строки, до меня дошло – ба, да это же тот самый Виктор Коротяев, о котором с такой теплотой несколько лет назад отзывался В. П. Астафьев.

*Россия, белая от снега
И золотая от сосны...
Следы последнего набега
Уже как будто не видны.*

Моё решение ставить пьесу укрепилось вдвойне, я рассказал ему о творческом вечере В. П. Астафьева, он был немного смущён, отнёсся даже к моим словам с недоверием, но где-то глубоко внутри был польщён и горд за его оценку. Подумав, он заметил:

– Когда мы с Александром Романовым были в гостях у Виктора Петровича, он сказал нам, что поэзия в его понимании – это напряжение мысли в великих просторах раздумий о страстной и безграничной любви к Родине с горькой или светлой правдой в сердце.

*Мы — не на уровне задачи,
Когда, пуская лёгкий дым,
В кругу
О Родине судачим:
Шумим!
Корим!
Боготворим!*

*Да, путь её и многотруден,
И объясним не всякий раз...
Но Русь была,
И есть,
И будет
До нас,
При нас
И после нас.*

Прочитав его книгу стихов и пьесу, я понял, что одновременно имею дело с очень искренним человеком, маститым поэтом и совершенно незрелым драматургом.

Для начинающего драматурга его ошибки были типичны. Вместо пьесы я увидел очень крепкую повесть в диалогах с ярким языком и глубокими трагическими нотами. Но, к сожалению, драматургии в ней было мало. Зная, как неоднозначно реагируют авторы на замечания, я очень аккуратно и округло начал говорить о недостатках. Виктор прервал меня, сказав, чтобы я не крутил и поведал всю правду, как она есть. Я ему и сказал всё, что думаю о пьесе. На его вопрос, – ну и что же дальше? Я ответил вопросом: “Работать будем?” Последовал утвердительный и серьёзный ответ: “Будем!”

Мы работали с перерывами около года. Виктор, как послушный ученик, постигал теорию драмы. Мы структурировали текст с учётом принципа “захват внимания”, убрали повторы, поправили событийный ряд, а несколько основных событий, носивших описательный характер, перевели в разряд действия, обострили конфликты, уточнили взаимоотношения персонажей и языковые характеристики героев. С упорством и без пререканий он очень быстро переписывал сцену за сценой, но каждый раз, принося материал, недовольно ворчал, что ему приходится рушить такой отличный текст, и в результате всё

получается очень плохо. Прочитав переделанное, я, как правило, отвечал, что с позиции прозы, может быть, стало хуже, но с позиции драмы это даже очень неплохо.

Как поэту, Коротаеву трудно было преодолеть своё поэтическое “я”, оно одинаково звучало в голосах и интонациях практически всех персонажей. Станислав Куняев так писал о Коротаеве: “Его стихи густо заселены определёнными судьбами и ликами, среди которых мать, жена, сын, земляки, друзья, недруги, и, конечно же, все эти судьбы как бы растворены в голосе автора и объединены им”. Это неоспоримое достоинство поэзии Коротаева, но драматургия требует иного, обратного подхода, автор должен полностью раствориться в своих героях, при этом сохранив у каждого из них только им присущий голос и свою индивидуальность.

О главной героине, Катерине Вячеславовне, необходимо сказать особо. Работая над пьесой, я попробовал пригладить её речь, переделать некоторые обороты, заменить слова, как мне казалось, трудно понимаемые для городского жителя. Нароботку я показал Виктору, он просмотрел мои правки, нахмурился и жёстко сказал, что в образе и речи Катерины Вячеславовны ничего менять не надо, и, помолчав, добавил:

– Бабушка была такой и говорила она так.

Он сказал, что этот образ списан с его любимой бабушки Екатерины Вячеславовны. Своим творчеством он обязан ей, потому что она была его главным наставником и поводырём. Бабушка рано научила Виктора читать и привила ему любовь к народному творчеству тем, что знала огромное количество сказок, сказаний, присказок, частушек, причетов. На всю жизнь она заложила в него любовь к красоте родного северного неба, к речке и роднику, к свежевско-панной пашне и скошенному лугу, глухому лесу и колющемуся полю, к родной деревне Липовице. Его большой друг и земляк поэт А. А. Романов писал:

*Он выросал под этим небом,
Сиявшим в ельниках глухих.
И стал ему открыт и ведом
Простосердечный русский стих.
Он здесь от бабки Катерины
Воспринимал язык родной,
Вникал в словесные глубины,
Дышал отважной новизной.*

В пьесе “Женская логика” образ Катерины Вячеславовны – воплощение совести, радости и боли за всё, что ей дорого: за родную землю и людей, на ней живущих, за любовь и справедливость, за сына и внука, за чужого ребёнка и его непутёвых родителей. В спектакле Катерину Вячеславовну сыграла блистательная актриса А. К. Леонович. Виктор оказался прав, сокольский диалект героини нисколько не смущал зрителя, звучал напевно и поэтично, и вся она была пропитана глубокой народной мудростью, бесконечной добротой и справедливостью.

Первоначальный вариант пьесы составлял свыше 90 страниц текста, что не укладывалась ни в какие сценические временные рамки, необходимо было нещадно сокращать текст. Но когда дело доходило до сокращений эпизодов, сцен и диалогов, Виктор отстаивал каждое слово, каждую строчку, и у нас из-за этого возникали постоянные разногласия. В конце концов, Виктор брался сам править, после этого мы читали пьесу вслух, засекали время, но материал никак не укладывался в необходимые временные рамки. Мне надоели пустые и бесконечные споры, и я, на свой страх и риск, вырезал ножницами все казавшиеся мне лишними эпизоды, сцены, сценки и диалоги, в итоге пьеса получилось чуть больше пятидесяти страниц. На следующий день я показал Виктору выброшенный текст. Увидев стопу листов и не читая получившегося материала, он вдруг побледнел, забежал по кабинету и замахал руками. Он кипел, как вулканическая лава, и кричал мне в лицо, чтобы я взял ножницы и кастрировал его самого, но не смел поднимать руку на его детище.

– Хватит, мы больше не работаем! – заключил он, схватил пьесу, вырезанную правку и выскочил, сильно хлопнув дверью.

Через несколько дней Виктор позвонил и смущённо сказал, что я оказался прав, правда, не совсем прав, нельзя же так жестоко поступать с поэтом и его ребёнком, а потом добавил:

— Головой понимаю, что надо было сокращать, а сердце не приемлет, ты правильно сделал, что вырезал текст, у меня бы рука вряд ли поднялась.

Доведя пьесу до определённого этапа, я передал её вместе с автором режиссёру В. Н. Свиридкину. Пока они работали над пьесой, Коротаев не раз вбегал ко мне в кабинет с криком, что, оказывается, я обошёлся с ним и его пьесой по-человечески, а Свиридкин садист, изверг и ещё Бог знает кто. Виктор успокоился, когда начались репетиции. В конце концов, с Виктором Свиридкиным и частью постановочной группы он остался на долгие годы в дружеских отношениях.

Пятидесятилетний юбилей Виктора Коротаева совпал с началом репетиций спектакля “Женская логика”. Накануне юбилея Свиридкин с актёром Михаилом Вальтером долго о чём-то спорили. Оказывается, они обсуждали, какой же подарок сделать Коротаеву ко дню его рождения. Меня заверили, что подарок будет ультратеатральный при условии, если я им дам машину, чтобы съездить за город. Я согласился, они приехали почти к самому торжеству, вытащили большую коробку из багажника, и я обомлел: в коробке сидел живой огромный и гогочущий гусь. Вот с этим гусём мы и пришли в гости к Виктору. Поставили гуся на пороге квартиры, позвонили в дверь, а сами спрятались этажом ниже. Оказывается, только Виктор открыл дверь, гусь тут же по-хозяйски вошёл в квартиру и направился в ванную. У Коротаева и его семьи на лице застыл вопрос: ждали гостей, а пришёл почему-то гусь. Через некоторое время мы поднялись и опять позвонили в дверь и застали оторопевших и хлопочущих вокруг гуся хозяев, наливающих в ванну воду, где уже плавал и гоготал наш подарок.

Мы поздравляем Виктора какими-то виршами, суть которых заключалась в том, чтобы его поэтический талант не оскудел, ему дарится набор живых гусиных перьев, только успевай затачивать и писать стихи, потому что настоящие стихи пишутся только гусиными перьями и только при свечах. Вместе с гусём мы подарили ему массивную чернильницу каслинского скульптурного литья. Виктор не без юмора тут же ответил сочинённым четверостишием, что теперь перьев ему на всю жизнь хватит, хватило бы таланту, потом серьёзно спросил, что же ему с гусем делать? Мы ответили:

— Сделай жаркое или в деревню отвези.

Недели через две он с хохотом рассказывал, что наш подарок принёс ему массу неудобств. Гусь для начала сожрал всё, что осталось от банкетов, довершив трапезу съестными припасами из холодильника (он удивлялся, что гусь ел и пил всё без разбора), потом обгадил всю ванну, принять душ стало негде. Как только наступала ночь, голодный гусь принимался гоготать и хлопать крыльями, вся семья до утра его кормила и не могла заснуть. Но самое страшное заключалось в том, что семья этого гуся полюбила и никак не хотела из него делать жаркое. Виктор попытался увезти его в деревню, но гусю так понравилась ванна, что он никуда не хотел ехать и устраивал свой гусиный скандал. Дело закончилось тем, что один из друзей Виктора, охотник, порешил гуся. Тушка была положена в морозилку, и жена Виктора Вера Александровна приготовила для всех нас прекрасное жаркое.

Это было поздней весной того же года. На одной из репетиций Виктор сказал, что в Вологде вода плохая, но на Кремлёвской площади есть родничок с удивительно вкусной водой, только его нужно расчистить и обустроить, даже справку из санэпидстанции показал. Вскоре артисты во главе с Мишей Вальтером под теоретическим и духовным руководством Коротаева обустроили родник, обложив его камнями и насыпав песку.

Осенью состоялась премьера спектакля “Женская логика”, которую очень тепло встретила публика. На премьере Виктор был искренне рад и горд, что его герои ожили и заговорили его словами. После спектакля он признался, что не думал, какой это адский труд — написать и поставить пьесу. Я спросил, будет ли он ещё писать для театра. На что получил твёрдый ответ:

— Никогда!

Работа над пьесой нас сильно сдружила, и до конца его жизни эта дружба сохранилась. Встречаться стали в основном по субботам, когда в семь утра ходили, как Виктор говорил, “по чистому пару” в баню на площади Мира. Виктор был заядлым парильщиком, он знал много тонкостей банного искусства, большое количество разных травяных настоев для создания душистого и лечебного пара. Но особенно он любил деревенскую баню. В Анисимово на

берегу Шексны у него был дом, а рядом с домом банька, его гордость. О ней даже стихотворение есть.

*Люблю деревенскую баню,
Священный ее ритуал.
“Скажи-ко,
Водичку-то, Ваня,
С какого колодчика
Брал?”
“С какого...
Да вон, с рядового”.
“Э-э-э, милой,
Ходил не туда...
Для баньки хорошей
Основа —
Запомни —
Речная вода!
Бери на плечо коромысло
И топай, родимый, за ней”.*

Вот мы и брали ведра, топали до Шексны, натаскивали воду, а пока топилась баня, Виктор приглашал гостей на рыбалку. У него была лодка с маленьким бесшумным электрическим мотором. Её недостатком был огромный и тяжёлый танковый аккумулятор, который от дома до реки, метров двести, чертыхаясь, обязаны были нести гости, а достоинством, что можно тихо подплыть к месту рыбалки без вони и копоты. Рыбалка входила в “обязательную программу” пребывания на даче у поэта Коротаяева. Место было, по всей видимости, прикормлено, и окуньки ловились отменно... Но почему-то только у него или у его сына Саши. Я злился, что у меня не клюёт, забирал его удочку, садился на его место, но всё равно в основном клевало только у него. Я с восторгом вылавливал пять-шесть рыбёшек, тогда как он штук двадцать. Он тихо смеялся в бороду и говорил, что даже в речном царстве-государстве у него благодать и знакомства. После двух-трех часов кормления комаров мы, довольные, что на уху всё-таки наловлено, возвращаемся в деревню. К этому времени и банька попевала.

*А веник запарен весенний,
В предбаннике даже — жара.
“Каких еще вам наслаждений?”
“Достаточно, братцы, —
Пора!”
И — самая первая ходка.
Сравненья не вижу честней:
И спирт,
И, конечно же, водка
Ничто по сравнению с ней.
От пара
Задрыгает крыша,
На каменке
Камень рванет,
И тело задышит,
Задышит
И на пол
Само упадет.
А ходка вторая и третья
Едва ль выразимы в словах:
Там только
Одни междометья,
То — “Ох!”,
То — особенно —
“Ах!”*

Между второй и третьей ходками и обливанием колодезной, ледяной водой Виктор вёл завернутую в простыни компанию показывать свою огородную

гордость — огурцы и помидоры. Их он выращивал сам и никому не доверял за ними уход. Овощи получались, в самом деле, отменные, особенно помидоры. Не знаю, какой это сорт, но на низеньких кустах у него висели огромные, граммов по 400–500, плоды. Он ими очень гордился.

После огородной экскурсии все возвращались в баню. Особенность парения заключалась в том, что для каждой ходки у хозяина были свои веники. Первая ходка — разогрев без веника, вторая — веник дубовый, третья — веник берёзовый, а четвёртая и последняя с липовым или эвкалиптовым веником. Голову мыл берёзовым настоем, чтоб помыслы были чистыми и светлыми, как он говорил, а тело сначала дубовым для силы, особенно мужской, а потом для здоровья — липовым или эвкалиптовым. Веники у Виктора были на любой вкус, но больше всего он любил эвкалиптовые, эти веники хорошо дух держали и были “долгоиграющими”. Их он специально привозил из Пицунды, где очень любил отдыхать и куда ездил чуть ли не каждый год. Эвкалиптовый веник имеет особый аромат, очень нежно, но глубоко обихаживает, а при простуде он просто незаменим, первое лекарство.

Когда мы появлялись в бане на пл. Мира, знатоки парилки спрашивали, принесли ли мы эвкалиптовый веник. Один мужичок всё донимал Виктора, где он берет такие чудо-веники. А Витя простодушно отвечал, что одного его знакомого поэта выслали в Австралию, так он всем своим друзьям в Союзе шлёт посылки с вениками, потому что кроме эвкалиптов и крокодилов в Австралии больше нечего нет. И тот ведь верил — но каждый раз спрашивал и каждый раз получал один и тот же ответ и опять верил, — ведь это сказал Витя Коротяев. Главным банным достоинством Виктора было то, что ни до бани, ни в бане, ни после бани он не пил ничего, кроме чая и кваса. Только в деревне после двух-трёх часов послебанного отдыха во время позднего ужина с удовольствием выпивал несколько чарок водки.

Виктор сильно переживал начавшуюся в начале 90-х годов абхазскую войну, ведь Абхазию он сильно любил:

*Я ночевал под старым виноградом,
Что для хозяев был как свой лесок.
А поутру я чувствовал, как рядом
Тугие гроздьё добирали сок.
Еще с полузакрытыми глазами,
Не скидывая тонких покрывал,
Чуть приподнявшись,
Влажными губами
Я дымчатые ягоды срывал.*

Он сильно огорчился, что больше не может ездить в Пицунду, где ему не только очень хорошо отдыхалось, но и работалось.

Виктор любил выезжать на лодке далеко в море и ловить там катрана — черноморскую акулу. Он очень гордился своими уловами, а его копчёный катран был отменный. После возвращения из Пицунды он, как правило, привозил мне пару эвкалиптовых веников и копченого катрана. Как-то из своих рыбацких запасов я подарил ему особую волжскую самодельную блесну для придонного лова крупного и очень крупного судака, жереха, щуки и сома и большущие осетровые крючки. Почему-то он называл их браконьерскими. Он рассказывал, что моя блесна и крючки просто волшебные, но, к сожалению, на них почему-то цеплялись только огромные экзemplяры, которые постоянно обрывали у него леску. Про морскую рыбалку он мог рассказывать часами.

*Ветер над водой рванул, крепчая, —
Обнажились каменные лбы.
И в полкилометре от причала
Волны ставят лодку на дыбы.
Древняя добытчиков работа...
И набухнут сами желваки,
Коль недосчитаются кого-то,
Выбравшись из шторма,
Рыбаки.*

Я посоветовал ему написать серию рассказов о рыбалке, он посмеялся и грустно отмахнулся:

— На стихи времени нет, а ты рассказы.

В то время Виктор много и трудно работал над документальной повестью о Николае Рубцове “Козырная дама”, был сильно занят в своем издательском бизнесе “Вестник” и газете “Русский огонек”. О бизнесе он говорил, что делает деньги, которых никогда нет, а если появляются, то почему-то их всегда не хватает, и непременно со смехом читал Рубцова:

*Стукну по карману — не звенит,
Стукну по другому — не слышать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...*

Года через два или три, накануне банного дня, он позвонил, чтобы узнать, пойду ли я париться, и, как бы между прочим, сказал, что начал писать пьесу о Рубцове. Я спросил — а как же твоё твёрдое нет театру? Он ответил, что давно наблюдает за артистом Валентином Трущенко, а тут на днях увидел его в спектакле и понял, что тот очень сильно похож, и не только внешне, на Николая Рубцова.

*Повторял он коллегам упрямо,
Как на стенку бетонную
Лез:
“Все вы гении,
Если я пьяный,
Все вы бездари,
Если я трезв”.
Не бранили его
И не били,
Оскорблённо
Брались за дела.
Понимали,
Бесясь от бессилья:
В этом
Вправду “сермяга” была.*

Я спросил:

— Ну что, начинаем работать?

Он ответил:

— Начинаем!

И рассказал про одну сцену из первого акта. Она была великолепно придумана и продумана. Её действие разворачивалось на вологодском вокзале, где Рубцов в компании простых работяг-шабашников скрашивает опоздание поезда за разговором, чтением стихов и распитием своего любимого красненького винца. Потихоньку вокруг собирается любопытный народ послушать “бесплатный концерт”, у кого-то нашлась гармонь, и на весь вокзал полились рубцовские песни, невольные зрители и грустят и смеются, пытаются нестройно подтянуть хором. Какая-то женщина очень уверенно и верно поёт одну из песен, видно, не раз слышала и певала её. Рубцов и его песни всем очень нравятся. В самый разгар “концерта” его прерывает милиция, за шум и распитие спиртных напитков всю компанию арестовывают, мужчины-зрители тихо пасуют, чтобы не попасть самим в отделение, а зрительницы пытаются вступить за Рубцова и его товарищей, особенно та, что так душевно подпевала его песню. Но бесполезно. В отделении, отвечая на формальные вопросы, он гордо говорит, что является поэтом Николаем Рубцовым, что едет в Москву издавать свою новую книгу. На это ему отвечают:

— Ну и что, мало ли тут по Вологде и вокзалам поэтов шляется и водку хлещет.

Рубцов задумчиво произносит:

— Водку я не люблю, а вот от красненького не откажусь... После моей смерти, через много лет, мне, может быть, памятник поставят, а вы будете гордиться тем, что арестовывали меня, будете об этом рассказывать корреспондентам и внукам. Показания же, написанные мной собственноручно, обязательно сохраните, потому что они попадут в музей моего имени.

Весело и грустно, смешно и трагично.

*За окнами мечется вьюга,
Сквозит предрассветная мгла.
Душа одинокого друга
Такой же бездомной была.
И мне потому — не иначе —
Всё кажется, если темно,
Что кто-то под топодем плачет
И кто-то скребется в окно.
Не раз ведь походкою зыбкой,
То весел, то слаб и уныл,
Он с тихой и тайной улыбкой
Из вьюги ко мне приходил.
В тепле отогревшись немножко,
Почти не ругая жизнь,
Метельные песни её
Играл на разбитой гармошке.
Гудела и выла округа,
Но он вылезал из угла.
И снова холодная вьюга
Его за порогом ждала.
И слышало долго предместье,
Привычно готовясь ко сну,
Как их одинокие песни,
Сближаясь,
Сливались в одну...*

Сцена мне очень понравилась. Я рекомендовал Виктору в обязательном порядке продолжить работу и сказал, что из такого материала может получиться потрясающая пьеса, но ни в коем разе он не должен делать Рубцова выдающимся поэтом современности, Рубцова надо показать обыкновенным человеком, со всеми присущими простому человеку радостями и горестями. Зная Валентина Трущенко не только как прекрасного, тонко чувствующего актера, но и как думающего режиссёра, посоветовал Виктору начать работать над пьесой вместе с ним. Позже я несколько раз спрашивал его и Валентина, как продвигается работа, но они как-то уклончиво отвечали. Коротаев говорил, что у него на творчество совсем нет времени, а издательство и газета отнимают все силы, Трущенко же говорил, что Виктор никак не несёт готовый материал. Я понял, что допустил ошибку, потому что посадил за один рабочий стол две яркие, неординарные и талантливые личности, но, к большому сожалению, в работе малосовместимые в силу особенностей их характера. В жизни они дружили, но работать вместе не могли. Жалко, что они не нашли общий язык, и спектакль о Рубцове не состоялся. Я предложил Виктору продолжить работу над пьесой вместе со мной, но он ответил, что время ушло, и он устал от этой для него тяжёлой темы, может быть, когда-нибудь в будущем он вернётся к ней.

Работая над статьёй, я узнал от жены поэта В. А. Коротаевой, что Виктор всё-таки написал пьесу о Рубцове, назвав её “Задушенная песня”. Почему он не показал её мне, я не знаю. Может быть, Виктор не верил, что постановка его пьесы может осуществиться, потому что не доверял театру, который с моим уходом резко поменял курс и вернулся “на круги своя”, проигнорировав накопленный опыт работы с вологодскими авторами. Наверное, он знал, что даже великолепную пьесу В. И. Белова “Семейные праздники” театр отказался ставить.

Меня поражала его всевологодская народная известность, любовь и уважение. От самых простых работяг и до самых известных людей Вологодчины его считали своим, а стихи знали и очень любили. Некоторые близкие друзья в шутку называли его “Витаминычем”, он не обижался и, смеясь, говорил, что любой спелый фрукт или овощ напитаны солнцем, а это сплошные витамины, которыми они щедро делятся с людьми, а он с народом делится очень хорошими стихами. Виктор не стеснялся своего творчества, он был уверен, что пишет на радость людям великолепные стихи, которые на долгие годы переживут его самого. Так оно и случилось.

Года через два или три после смерти Коротаева я заметил, что одна пожилая уборщица из Законодательного собрания постоянно со мной здоровается. Я как-то спросил её, что, разве мы знакомы? Она ответила:

— Да, знакомы, помните, Виктор Вениаминович, вы меня поздно вечером на дороге подобрали и до моей деревни подвели.

Я ей сказал, что я не Виктор, но очень хорошо его знал, что Виктор умер несколько лет назад. Она запричитала и сквозь слёзы сказала:

— Как жаль, хороший был человек, он такие солнечные стихотворения писал.

Я тогда удивился тому, что простая женщина, по всей видимости, малообразованная, нашла такое точное определение поэзии Виктора Коротаева.

*Милый друг мой,
Прощаясь навеки,
В нашей горькой и смертной судьбе
Всею силой, что есть в человеке,
Я желаю покоя тебе.
Оставляя покамест на свете,
Я желаю у этих могил
Чистых снов, тишины и бессмертья,
И любви.
Ты её заслужил.*

Это стихотворение Виктор Коротаев посвятил памяти Николая Рубцова, но его в полной мере можно отнести и к нему самому. Как пронзительно оно звучит сейчас, в год, когда уже десять лет с нами нет большого и светлого поэта, доброго и веселого человека, преданного друга.

ВИКТОР КОРОТАЕВ

БРОЖУ ПО РОДИМОЙ ОТЧИЗНЕ

* * *

На кашке и ромашке день настоян,
И небеса встряхнулись
И зажглись.
Сей милости
Не всяк просящий
Стоит,
Но стоит
Человеческая жизнь.

Прими ж рассвет,
Как добрый знак участия
Самой природы
После всех дождей.
Пойми,
Что привередливое счастье
Зависимо не только
От вождей.

Но от листа багряного
Осины,
От ветерка,
Колеблущего рожь...
А если поточнее —
От России,
В которой ты родился
И живёшь.

* * *

Набродился по белому свету,
По широкой
И гулкой земле,
Шумно радуясь
Красному лету,
Низко кланяясь
Снежной зиме.
Поднимался
На синие горы,
Опускался
На тёмное дно
И, пустые
Презрев разговоры,
Навсегда я усвоил
Одно:
Только в нашей
Великой державе,

Всё познавшей —
И милость, и плеть, —
В недоверье,
Позоре
Иль славе
Суждено мне
И плакать,
И петь.
Лишь бы в этой
Освоенной тверди
Сил хватило
До крайнего дня
У меня —
Чтоб служить ей до смерти,
У неё —
Чтобы верить в меня.

* * *

Прозреваю, слава Богу.
И, приветствуя зарю,
На себя перед дорогой
Зорко в зеркало смотрю.
Больше сивый, чем красивый,
Чаще в стуже, чем в тепле,
По случайности счастливой
Проживаю на земле.
Разгребая волны мрака,
Утверждая трезвый быт,
Мысль,
Как шустрая собака,
Впереди меня бежит.
И, за нею поспешая,

Осознав с людьми родство,
Никому не помешаю,
Не обижу никого.
Сам давно несущ под сердцем
То ли горе,
То ль печаль.
Но сквозь слёзы погорельца
Всё ж гляжу
С надеждой
Вдаль.
Заживёт в душе болячка,
И поправятся дела.
Только б верная собачка
Невзначай не подвела...

* * *

За что меня карает небо
И отвергают
Соловьи?
Я научился жить
Без хлеба,
Но не умею
Без любви.
Пусть ветром
Грозным и морозным
Мои ломает колоски,
Но только пусть не гаснут
Звёзды
Надежды вечной
И тоски.
Всё холодней и ниже

Солнце,
Всё больше
Призраков во мгле.
Уже немного
Остаётся
Причин
Держаться на земле.
Но всё же
Жжёт десятилетия
Одно желание в крови:
Чтоб умереть
Не от бескормья,
А —
Пусть от горькой —
Но любви.

* * *

Ещё снега лежат в оврагах,
Но ветер,
Тянущий с болот,
Неотстоявшую брагой
Нет-нет да вроде
И пахнёт.
А в предвкушении апреля,
Грядущей
Радуюсь весне,
Все шишечки
Помолодели...
На каждой ёлке
И сосне.
Побеги новые
Под вечер
На юных сосенках
Подряд,
Как будто
Свадебные свечи,
Ещё пронзительней
Горят.
Полно
Доверчивого свету,

И не видать
Угрюмых лиц.
Весны пока
И близко нету,
А полы настужь
У девиц.
Разубеждать ты их
Не пробуй,
Они не слышали
Со сна,
Что обещается
Недоброй
Вся предстоящая
Весна.
Вот так и я:
Сдвигая числа
Себе на радость
И беду,
Ещё ты из дому
Не вышла —
А весь свечусь,
Горю
И жду...

* * *

Занимался над лесом восход,
Просыпалась
Черничная завязь,
И так низко летел
Самолёт,
Что деревья под ним
Расступались.
Пусть, развесив серебряный дым,
Унеслась
Косокрылая птица —

Перепугана
Рёвом таким,
Торопилась черника
Развиться.
Торопились раскрыться
Цветы,
Несмотря
На давление ёлок,
И на юной берёзе
Листы
Понимали,
Что век их
Недолог.
Понимал эту данность
И я,
Вспоминал
Разнотравие детства —
И на каждый
Цветок бытия
Торопился — скорей! — наглядеться.

* * *

Много жил и бродил я на свете,
Знал друзей и врагов,
Но пока
Не случилось
Любовь свою
Встретить:
Так родная земля
Широка.
Примирился
С доставшейся долей,
На чужую —
Полегче —
Не льщусь,
Но зато я в скитаниях
Вволю
Нагляделся
На бедную Русь.
На горячку причалов
И станций,
На старушек,
Таких удалых,
На всецело серебряных
Старцев...
И на женщин,
Вовсю золотых.
Их связала

Единая доля:
В светлый праздник
И чёрную ночь
По грязи
Через лес,
Через поле
Новой жизни
Телегу волочь.
И не раз
Неуклюжее слово
Я ронял
Над стоячей водой.
А мои неурядицы
Снова
Перед общей
Бледнели
Бедой.
Глядя,
Как надрываются люди,
Я шептал и шепчу
Об одном:
Бог поможет —
Ещё мы полюбим.
Озарит —
По-людски поживём...

НАЧЕКУ

Снова намутили,
Наболтали,
Всяческих навешали собак...
Так пожить хотелось
Без баталий,
Да не получается никак.

Поднимаюсь медленно со стула,
Прохожу неспешно вдоль стены,
Чувствуя спиной,
Как ваши дула
Твёрдо
На меня наведены.
И со всем
Природой данным пылом
Принимаю к действию сигнал:
"Это кто там нас
Российским быдлом
Тихо,
Но старательно назвал?"
Супостаты!
Вы всегда при деле,
Да и нам постыдно забывать:
Мы ведь только внешних
Одолели,
Внутренние
Выжили опять.
Знаю,
Как, мозгами поработав,
Вы в своём коронном
Тайном сне
Нас,
Неисправимых патриотов,
Жарите на медленном огне...
Неспроста,
Боясь разоблачений,
Зря не подставляя головы,
Блоками бетонных изречений
Забаррикадировались вы.
Презираю ваши баррикады,
Выхожу на линию огня.

...Я давно не жду от вас пощады,
Но и вы не ждите от меня...